

УДК 903.3(470)

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ СКАЛЬНЫХ СВЯТИЛИЩ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО УРАЛА

Ю. Б. Сериков

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 622031, Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, 57
u.b.serikov@mail.ru

Исследование святилищ Шайтанского озера (Кировградский район Свердловской области), которое в древности являлось священным озером, позволило выделить новый тип культовых памятников, расположенных на скальных образованиях, определить характерные для скальных святилищ признаки и на их основании пересмотреть характер остальных памятников, которые ранее относили к стоянкам, плавильным местам и поселениям.

Ключевые слова: скальные святилища, топография святилищ, тематические культовые комплексы, соотношение производственно-бытовых и культовых комплексов.

Многолетние работы на берегах Шайтанского озера (Кировградский район Свердловской области) позволили выделить новый тип культовых памятников, которые расположены на скальных образованиях и которые на Урале называют «шиханы» [Сериков, 2007]. Шиханы на озере – это нагромождения гранитных валунов высотой от 7 до 11 м. Всего выявлено и изучено раскопками 8 шиханов: Шайтанский, Средний, Южный, Дальний, Шихан на просеке, Каменушки I и II, Островок в болоте. Наибольший интерес представляют первые три. Особенностью этих святилищ являются присутствие предметов медного культового литья и человеческие жертвоприношения, которые совершались в раннем железном веке [Сериков, 2013, с. 101–115, 122–158].

Выделение на Шайтанском озере нового типа скальных святилищ дает возможность пересмотреть характер аналогичных памятников, исследованных в предыдущие годы и классифицированных как стоянки и поселения.

Е.М. Берс, описывая археологические памятники Свердловска и его окрестностей, неоднократно упоминает стоянки на островах среди болот. Однако состав находок на этих стоянках заставляет усомниться в этом определении. Например, в разделе памятников у Первого Карасьего озера под номером 123 Берс описывает «Стоянку на острове среди болот». Среди прочих находок на стоянке отмечено 7 медных идолов. Под номером 192 у нее обозначена «Стоянка на острове в северной части болота». Там обнаружены «медные наконечники стрел, птицевидные идолы и медная бляха». Изделия из меди и медные птицевидные идолы найдены на «стоянке на острове в северо-западной части болота около Сибирского тракта и бывшей дачи Иванова» (№ 193). Уникальный комплекс медных изделий зафиксирован на «стоянке на низком гранитном полуострове на восточном берегу озера, у избушки рыбаков и бывшей дачи Иванова» – медные наконечники стрел, бляха и медный птицевидный идол, а также медные изделия общим весом около 12 кг [Берс, 1951, с. 213–222]. В настоящее время нет никаких сомнений в том, что памятники с такими наборами находок являются не стоянками, а святилищами. Судя по описанию, они располагаются на невысоких скальных образованиях, которые среди болот выглядят как острова и полностью аналогичны святилищам на шиханах Шайтанского озера.

Следует также рассмотреть вопрос о характере памятника Верхняя Макуша. Находится он на острове среди болот. По мнению Е.М. Берс, это энеолитическое поселение с остатками сгоревшего жилища. «Жилище» расположено на вершине большой и широкой «каменной палатки». На рисунке местности, приведенном Е.М. Берс, можно увидеть вершину горы со скалистым останцом («шиханом»). Причем котлован «жилища», по Е.М. Берс, был вырублен в скале. При его раскопках были обнаружены 3 больших камня, которые перекрывали яму с кладом каменных изделий. Клад содержал «полированный топор, тесло, скребок и 43 каменные стрелы различной величины и формы», которые Е.М. Берс датирует бронзовым веком [Берс, 1963, с. 43–47]. Однако, как справедливо отмечает А.В. Шаманаев, по типам наконечников стрел его можно отнести к эпохе энеолита [Шаманаев, 2000, с. 41].

В связи со сказанным необходимо привести некоторые пояснения. Раскопки Верхней Макуши производились в самом начале 50-х гг. XX в. В то время подобные предположения были вполне возможны. Однако спустя 50 лет мы знаем, что жилищ и поселений на вершинах гор и скал никогда не было. По всей видимости, на том месте располагалась культовая площадка (святилище). И набор находок из «жилища» (наконечники стрел и копий, подвеска, литейная форма, гребенчатые штампы, а также клад) вполне соответствует известным в настоящее время культовым комплексам.

К святилищам следует отнести еще один скальный озерный памятник – Купол. Расположен он на северо-восточном берегу Горбуновского торфяника. Представляет собой куполообразное вздутие береговой гряды высотой до 7 м, находящееся в глубине берега между I и II Береговыми стоянками. На вершине Купола находится небольшая площадка, на которой присутствуют скальные выходы. Памятник исследовался только посредством шурфов. Коллекция находок (около 200 экз.) представлена фрагментами керамики (107 экз.), отщепами и чешуйками (61 экз.), микропластинками и пластинами (6 экз.), острием, скребком, обломком шлифованного орудия.

Большая часть керамики относится к эпохе энеолита (рис. 1, 1–3). Венчики сосудов прямые, орнаментированы зигзагами и прямыми линиями, образованными оттисками гребенчатого штампа. По шейке идут круглые глубокие наколы (рис. 1, 1). Керамика сильно дробленая, половина фрагментов не превышает в длину 2,5 см. В тесте сосудов присутствует незначительная примесь талька. Керамика энеолитического облика представлена 5–6 сосудами.

Три микропластинки шириной 0,5–0,6 см относятся к мезолиту. Все остальные изделия из камня можно связать с керамическим комплексом эпохи энеолита, так как более поздние эпохи (бронзовый и железный века) представлены единичными фрагментами керамики. Среди них широкие пластины из светло-серой и розовой кремнистой породы (рис. 1, 5–6), острие (рис. 1, 4), скребок на пластине и обломок шлифованного рубящего орудия. Также к энеолиту отнесено архаичное, на первый взгляд, изделие – пластина с притупленной спинкой. На самом деле это отломанный насад наконечника с боковой выемкой (рис. 1, 7). В комплексе каменных изделий преобладают чешуйки и отщепы (соответственно 31 и 30 экз.). Изготовлены они в основном из кремнистого сланца (преобладают) и халцедона.

На Куполе обнаружена небольшая коллекция мелких фрагментов кальцинированных костей, среди которых П.А. Косинцеву удалось определить кости бобра (фрагмент черепа), лося (плюсна) и северного оленя (локтевая).

В 1976 г. данный памятник был определен как стоянка [Сериков, 1984, с. 104], но теперь ясно, что его следует отнести к скальным святилищам.

Все описанные скальные святилища связаны с озерами и болотами (палеоозерами). Но памятники на скальных останцах и каменистых мысах встречаются и на реках. В 1973–1974 гг. А.И. Рассадович вела раскопки стоянки бронзового века Балакино I (Пригородный район Свердловской области). Я несколько раз приезжал на раскопки с членами археологического кружка. Вездесущие кружковцы неоднократно приносили фрагменты керамики, которые они собирали у подножья скалистого выхода на р. Тагил, в 200 м от стоянки. В то время ни А.И. Рассадович, ни я не обратили особого внимания на эти находки. К данным находкам я вернулся только спустя 35 лет – в 2010 г.

В результате обследования окрестностей выяснилось, что скальный выход находится в 180–190 м к северо-северо-западу от стоянки. Высота скалы около 5 м. Сложена она сланцами в виде каменных «губ», раскрытых в сторону запада. «Губы» образованы стоящими под углом каменными плитами. Расчистка «губ» показала наличие археологического материала. Коллекция находок вместе с собранными у подножья скалы предметами составила около 90 экз.

Фрагментов керамики всего 4 экз., все являются обломками стенок сосудов. Они орнаментированы геометрическими сочетаниями отпечатков гребенчатого штампа (рис. 1, 8–9). Аналогичная керамика известна и на самой стоянке.

Остальные находки представлены каменными изделиями. Среди них 2 обломка наконечников стрел, скребок на отщепе, заготовка орудия, поперечный скол с нуклеуса, 5 плиток кремнистого сланца, 4 нуклевидных куска, 37 отщепов и 32 чешуйки.

Один наконечник изготовлен из кремнистого сланца, второй – из молочного кварца. Оба наконечника обработаны плоской ретушью и отличаются тонким сечением – 0,2 см (рис. 1, 10–11). Наконечник из сланца по одному краю обработан слабо выраженной пильчатой ретушью (рис. 1, 10). Скребок из кремнистого сланца обработан приостряющей ретушью. Заготовка орудия (ножа

или наконечника стрелы) из серого кварца была оббита с двух сторон, но сломана и брошена. Поперечный скол является частью ударной площадки микронуклеуса мезолитического облика. Ширина негативов пластинок всего 0,4 см. Пять отщепов и 7 чешуек выполнены из молочного кварца, все остальные – из кремнистого сланца.

Среди кальцинированных костей, найденных между каменных «губ», удалось определить кости крупных млекопитающих типа лося или северного оленя.

Весь комплекс каменных изделий очень похож как на отходы камнеобрабатывающей мастерской, расположенной в стороне от стоянки, так и на древнее святилище. Но поскольку детальных исследований скального выступа пока не проводилось, делать выводы о характере памятника еще рано. Но следует иметь в виду этот комплекс.

Еще один скальный памятник обнаружен во время экскурсии студентов из археологического кружка исторического факультета Нижнетагильской социально-педагогической академии в музей-заповедник деревянного зодчества и народного искусства, который находится в деревне Нижняя Синячиха (Алапаевский район Свердловской области). Он занимает выступающий в пруд скалистый мыс высотой 8–9 м, расположенный рядом с плотиной. Мыс обрывается прямо в воду. Местное население называет его Скала или Камешки. Ранее мыс располагался на левом берегу р. Синячихи (притока р. Нейва), и его высота была на 3–4 м больше. На мысу расположена ротонда XIX в., покрашенная в зеленый цвет. На перегибе мыса прямо на тропе были отмечены первые находки в виде фрагмента керамики и отщепка. На обнажении со стороны пруда был зафиксирован и культурный слой. Сбор материалов в осыпи склона мыса позволил составить достаточно разнообразную коллекцию находок – около 80 экз.

Большая часть коллекции представлена фрагментами керамики (53 экз.) минимум от 15 сосудов. Шнуровым, резным и гребенчатым орнаментом украшена только верхняя часть сосудов (рис. 2, 1–5, 10). В керамическом тесте обычна примесь талька и кварцевого песка, иногда – толченого белого камня. Из других находок нужно отметить расколотую глиняную бусину (рис. 2, 8), обломок костяного наконечника стрелы (рис. 2, 9), точильный брусок, 2 скребка (рис. 2, 6–7), 9 отщепов, медную каплю и кусочек медной фольги.

По керамике комплекс находок можно отнести к петрогромской культуре VI–X вв. Данный комплекс полностью соответствует святилищам на шиханах Шайтанского озера, а также культовым памятникам на вершинах гор (Голый Камень, Лубная, Попов остров, Три Сестры и др.) [Сериков, 2013а, с. 10–11].

Следует упомянуть еще один памятник, требующий переосмысления. Это известный с XIX в. и неоднократно упоминаемый в литературе, но практически не опубликованный Лайский мыс (Пригородный район Свердловской области). Находится он на левом берегу запруженной в настоящее время р. Лаи и представляет собой скалистый утес высотой 8–10 м. В рукописи Д.П. Шорина он упоминается как городище [Бадер, 1953, с. 314]. Н.П. Кипарисова отмечает его небольшие размеры, неудобную для устройства жилья каменистую поверхность и полное отсутствие следов укреплений. Учитывая господствующее положение мыса над окружающей долиной, она видит в нем сходство с известными на Урале «жертвенными местами» [Кипарисова, 1956, с. 113]. Лайский мыс исследовался в 1952–1954 гг. А.И. Рассадович. Первоначально она считала его «костищем» и жертвенным местом, потом, как и все святилища на вершинах гор, стала называть плавильным местом [Нижний Тагил, 1977, с. 14–15].

Памятник известен по многочисленным упоминаниям в краеведческой литературе. Полной публикации памятника не существует. Материалам Лайского мыса посвящена только одна статья, содержащая металлографический анализ железных ножей и наконечника стрелы [Россадович и др., 1968, с. 263–270]. Отсутствие полной публикации памятника привело к появлению различного рода необоснованных «реконструкций». Знакомство с ними серьезного читателя приводит в недоумение. Сначала на Лайском мысу было отмечено 8 плавильных печей – грунтовых (!), глинобитных и каменных. Затем их стало 11, но уже только глинобитных и каменных. Становятся известны и их размеры: диаметр от 0,8 до 1 м и высота от 1 до 1,2 м. Фиксируется также наличие медных и железных шлаков, бракованных изделий, тиглей [Нижний Тагил, 1977, с. 15].

Поездка на Лайский мыс показала, что его площадка – это сплошной камень, почва практически отсутствует. Как там могли разместиться 11 печей – непонятно. По каким материалам были определены диаметр и тем более высота печей – большая загадка. На склонах мыса и сейчас можно

найти жженые косточки, дробленые фрагменты керамики, микропластинки, чешуйки, медные обломки. Знакомство с коллекцией показало, что шлаки и куски обожженной глины (обмазки?) немногочисленны. О металлургии свидетельствуют целый тигель и ошлакованный изнутри обломок плоскодонного и толстостенного сосуда.

Чтобы попытаться понять характер памятника, следует дать хотя бы общую характеристику его коллекции. В ходе раскопок А.И. Рассадович составлена коллекция из 1452 экз.

Сразу следует отметить, что на памятнике зафиксирована заметная примесь мезолита. Его характеризуют нуклеусы (5 экз.) с негативов пластин шириной 0,3–0,7 см (рис. 1, 12) и небольшая серия микропластин с ретушью и без нее (13 экз.) (рис. 1, 16, 18–19). К ним нужно добавить еще 9 пластинок, собранных мною во время посещения памятника.

Зная методику раскопок 50-х гг., можно смело утверждать, что большая часть кремневых изделий (особенно мелких) во время раскопок была выброшена в отвал. На поверхности и склонах мыса я собрал 59 кремневых изделий, железный нож, бронзовый наконечник стрелы, 2 обломка медных изделий, 25 фрагментов керамики и множество мелких обломков жженных косточек.

В коллекцию входит два десятка фрагментов неолитических сосудов. Они содержат значительную примесь талька и украшены волнистым орнаментом – прочерченным или в виде «отступающей палочки» (рис. 3, 1–2). Из каменных изделий с неолитом можно связать 2 широких пластины (рис. 1, 17), 3 скребка и наконечник стрелы с отломанным черешком. Обе пластины выполнены из широко распространенной в неолите Тагильского Зауралья светло-серой слабо окремненной породы. Из такого же сырья изготовлен и наконечник стрелы на пластине. Со стороны спинки и брюшка он обработан некрупной краевой ретушью (рис. 1, 13). Все скребки также выполнены на пластинах шириной 1,2 – 1,4 – 1,6 см (рис. 1, 15). Один скребок имеет два рабочих лезвия.

Керамика в коллекции составляет самый крупный комплекс. Значительная ее часть сильно фрагментирована. Керамика бронзового века в коллекции представлена единичными фрагментами. Практически весь керамический комплекс относится к раннему железному веку и средневековой (рис. 3, 3–6). А.И. Рассадович относил керамику Лайского мыса к усть-полуйской культуре и датировал ее V в. до н. э. На самом деле на нем представлены материалы нескольких археологических культур: иткульской, кашинской, гороховской (?), петрогромской и некоторых других. Ближайший аналог данного комплекса выявлен на полностью исследованном святилище, расположенном на шихане Голого Камня [Сериков, Серикова Л.В., 2005]. По мнению В.А. Борзунова, поздняя керамика Лайского мыса типична для средневековых материалов верховьев р. Тавды, низовьев Сосьвы и Лозьвы, т.е. пограничных территорий между Западной Сибирью и Зауральем.

Из других изделий нужно отметить каменные наконечники стрел, нуклевидный кусок полосчатой (красно-зеленой) яшмы, точильные камни, абразивную пилу, скребки, острие, каменные диски, бронзовые наконечники стрел, железные ножи, обломки костяных наконечников, бусы и пряслица.

Каменный наконечник стрелы имеет форму равнобедренного треугольника, с двух сторон обработан плоской ретушью (рис. 1, 14). Такие наконечники характерны для раннего железного века. От второго наконечника сохранился только обломок. Все скребки изготовлены на отщепах. Каменное острие (рис. 1, 20) и абразивная пила в коллекции единичны. Каменные диски (4 экз.) применялись в качестве скребел по коже. Представляет интерес один из них. Он сделан из плитки углистого сланца размером 13 × 8,2 × 0,4 см. Линейные следы сработанности показывают, что он выполнял функции тупика, использовался для волососгонки [Сериков, 1978, с. 211–215; рис. 5, 7–9; 6, 4]. Некоторые плитки камня служили для заточки металлических орудий. Представляет интерес кварцитовая галька, на которой присутствует канавка, прорезанная металлическим ножом. На одной плитке серицитового сланца размером 6 × 3,5 см выгравированы 2 схематичные фигуры. Одна из них напоминает птицу в полете, вторая – более загадочна. Она, бесспорно, изображает какое-то животное: прямыми линиями показаны туловище, 4 ноги, голова с рогами и раздвоенный хвост. Эта фигура очень походит на мамонта, как его изображало сибирское население, судя по этнографическим данным [Сериков, Серикова А.Ю., 2004, с. 171].

Из костяных изделий сохранилось 9 обломков наконечников стрел длиной от 1,5 до 5 см. Из 3 бусин 2 выполнены из прозрачного стекла, 1 (расколота пополам) – из глины. И глиняные, и стеклянные бусы известны в культовых комплексах пещеры Туристов и святилища в Синячихе. Из фрагментов керамики без орнамента изготовлены 2 пряслица. Целое пряслице имеет форму пра-

вильного круга диаметром 4,5 см. От второго сохранился обломок.

Бронзовые изделия представлены 4 трехлопастными втульчатыми наконечниками стрел длиной 3–3,5 см. У них втулка внутренняя (скрытая), головка треугольная, база прямая. Слабо выраженные лопасти переходят в небольшие шипы. Такой же наконечник был найден мною при посещении Лайского мыса. У всех наконечников от удара о скалу поврежден кончик острия. По классификации иткульских наконечников, разработанной Г.В. Бельтиковой, они датируются V–IV вв. до н. э. [Бельтикова, 1982, с.71].

Железный наконечник стрелы длиной 6 см относится к типу трехлопастных с длинным игло-видным черешком. Также в коллекции есть 3 железных ножа. Все ножи относятся к типу коленчатых. Они имеют уплощенную широкую спинку лезвия с прямоугольным выступом и насад прямоугольного сечения. Различаются ножи только своими размерами. Длина двух ножей равна 7,2 и 7,6 см, третий нож заметно длиннее – 12,1 см. Подобные ножи хорошо известны в материалах ванвиздинской культуры (VI–X вв.) Верхнего Прикамья и Припечорья (Археология..., 1997, рис. 22, 29,36).

Предварительный анализ материалов памятника позволяет усомниться в том, что он являлся плавильным местом. «Производство железа документируется многочисленными находками шлаков, кричного железа, сопел» [Завьялов, Терехова, 2013, с. 97]. Ничего этого на памятнике нет. Плавка металла, которая, по-видимому, все же производилась на Лайском мысу, могла носить кратковременный, ритуальный характер. В целом по набору находок комплекс имеет большое сходство с культовыми комплексами пещеры Туристов, Голого Камня и Шайтанского шихана. С учетом его топографии и сходства с другими святилищами на скалах и шиханах Лайский мыс вполне можно поставить в один ряд с культовыми скальными памятниками. Подобная ситуация прослеживается и на западном склоне Среднего Урала, где языческие святилища располагались «на высоких речных мысах или отдельно стоящих горах» [Корчагин, 2013, с. 104].

Таким образом, выделенные на Шайтанском озере скальные культовые святилища позволяют пересмотреть характер некоторых памятников, которые ранее относили к стоянкам, плавильным местам и поселениям. Прежде всего эти памятники отличаются топографией. Располагаются они всегда на скальных образованиях – шиханах, выступах, островах, мысах. Чаще всего они находятся на берегах озер, в труднодоступных местах среди болот. На реках скальных культовых памятников пока зафиксировано меньше. Возможно, это связано с хронологией памятников: речные святилища окажутся более поздними. Этот вопрос еще требует своей разработки. Второе отличие скальных святилищ состоит в специфическом наборе артефактов. В настоящее время выделены тематические комплексы находок, которые помогают определить культовую направленность памятников. В этих комплексах заметное место принадлежит изделиям с заостренным концом (наконечники стрел, острия, ножи) и предметам, связанным с добыванием огня (кресальные кремни, скребки, нуклеидные куски, колотая галька, отщепы, плитки камня, пряслица) [Сериков, 2013б, с. 147–166]. Состав находок в разные эпохи, безусловно, различался, но изделия из этих двух тематических комплексов присутствуют практически на всех культовых памятниках. Что касается остальных находок, то вопрос о соотношении производственно-бытовых и культовых комплексов еще долгое время будет предметом исследований [Сериков, 2007а, с. 128–132; 2008, с. 302–306]. Не следует забывать, что «любую вещь можно использовать и как собственно вещь, и как знак, символ» [Байбурин, 1983, с. 8]. Превращение вещи в знак происходит при попадании ее в сакрализованное пространство. Следовательно, обычный элемент материальной культуры – керамика, скребок, отщеп и т.п., попав в сакрализованное пространство, превращается в определенный символ.

Библиографический список

Археология Республики Коми. М., 1997.

Бадер О.Н. Археологические памятники Тагильского края // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. 1953. Т. 8, вып. 2.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. 1951. Вып. 21.

Бельтикова Г.В. Металлические наконечники стрел с иткульских памятников // Археол. исследования Севера Евразии. Свердловск, 1982.

Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.

- Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Проблема изучения источников сырьевых ресурсов средневековых ремесленных центров // Переходные эпохи в археологии: матер. всерос. археол. конф. с междунар. участием «XIX Урал. археол. совещание». Сыктывкар, 2013.
- Кипарисова Н.П.* Новые данные об археологических памятниках Тагильского края // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. 1956. Т. 1, вып. 3.
- Корчагин П.А.* Комплексное историческое изучение ранней истории Перми Великой и Перми Вычегодской: границы и городки // Переходные эпохи в археологии: матер. всерос. археол. конф. с междунар. участием «XIX Урал. археол. совещание». Сыктывкар, 2013.
- Нижний Тагил. 1977. 4-е изд., перераб.
- Россадович А.И., Щеткина Н.А., Дамаскина Т.Н.* Исследование металлических изделий из раскопе на Среднем Урале // Сов. археология. 1968. № 4.
- Сериков Ю.Б.* К вопросу о функциональном назначении так называемых каменных дисков // Сов. археология. 1977. № 2.
- Сериков Ю.Б.* Новые памятники Горбуновского торфяника // Сов. археология. 1984. № 2.
- Сериков Ю.Б.* Скальные культовые памятники Шайтанского озера // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). Курган, 2007.
- Сериков Ю.Б.* Об использовании уральских пещер в древности (к вопросу о соотношении производственно-бытовых и культовых комплексов) // Экология древних и традиционных обществ: докл. конф. Тюмень, 2007а. Вып. 3.
- Сериков Ю.Б.* Сакральное в обыденном (по материалам культовых памятников среднего Зауралья) // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: матер. Западно-Сибирской археол.-этногр. конф. Томск, 2008.
- Сериков Ю.Б.* Шайтанское озеро – священное озеро древности. Нижний Тагил, 2013.
- Сериков Ю.Б.* Новое святилище на Среднем Урале // Грибушинские чтения–2013. Кунгурский диалог: тез. докл. и сообщ. IX Междунар. соц.-культ. форума. Кунгур, 2013а.
- Сериков Ю.Б.* Культы и обряды древнего населения Среднего Урала по материалам пещерных святилищ р. Чусовой // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сб. ст. Барнаул, 2013б. Вып. 6.
- Сериков Ю.Б., Серикова А.Ю.* Мамонт в мифах, этнографии и археологии Северной Евразии // Рос. археология. 2004. № 2.
- Сериков Ю.Б., Серикова Л.В.* Святилище на вершине горы Голый Камень (Нижний Тагил). Нижний Тагил, 2005.
- Шаманаев А.В.* Клады каменного сырья и изделий: проблемы интерпретации // Документ. Архив. История. Современность: матер. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию ист.-архив. специальности в Урал. гос. ун-те. Екатеринбург, 2000. Ч. 1.

Дата поступления рукописи в редакцию 08.12.2014

ON THE QUESTION OF IDENTIFYING ROCK SACRED PLACES IN THE MIDDLE URALS

Yu. B. Serikov

Nizhny Tagil State Social Pedagogical Academy, Krasnogvardeyskaya str., 57, 622031, Nizhny Tagil, Sverdlovsk region, Russia
u.b.serikov@mail.ru

The research of sacred places of the Shaytan Lake (Kirovgrad district, Sverdlovsk region), which was a sacred lake in ancient times, allows one to mark a new type of cultic places, situated on rocks. It gives an opportunity to mark specific signs of rock sacred places. The nature of some memorials, defined as sites, settlements and melting places, was reviewed on the basis of the marked signs. The important attribute of rock sacred places is their unusual topography. They are always located on natural rock formations, such as islands, capes, lugs and conglomerations of boulders. Most often, they can be found on lake's shores, in hard to reach marsh places. Rock cult memorials are rarer found on river banks which may be explained by the later time of their creation, but the question needs further investigation. Another sign of cult memorials in general and of rock sacred places specifically is a particular collection of thematic complexes of findings. Those thematic complexes help identifying cult nature of memorials. The artefacts with sharpened end (arrow heads, knives, and spearheads) are widespread in those complexes, as well as the artefacts connecting with fire making process (scrapers, core-shaped pieces, riven shingle, flakes, stone tiles, and spindle whorls). The composition of artefacts varies in different chronological periods, but the things from the two

mentioned complexes can be found on almost all cult memorials. As for the other findings, the question of the relationship between domestic and production complexes and cult ones will be the subject of research for a long period.

Key words: rock sacred places, topography of sacred places, thematic cultic complexes, ratio of production, domestic and cult complexes.

References

- Arheologija Respubliki Komi. M., 1997.
- Bader O.N. Arheologicheskie pamjatniki Tagil'skogo kraja. *Uchen. zap. Perm. gos. un-ta. 1953.* T. 8, vyp. 2.
- Bajburin A.K. Zhilishhe v obrjadah i predstavlenijah vostochnyh slavjan. L., 1983.
- Bers E.M. Arheologicheskaja karta g. Sverdlovskaja i ego okrestnostej. *MIA.* 1951. Vyp. 21.
- Bel'tikova G.V. Metallicheskie nakonechniki strel s itkul'skih pamjatnikov. *Arheologicheskie issledovanija Severa Evrazii.* Sverdlovsk, 1982.
- Bers E.M. Arheologicheskie pamjatniki Sverdlovskaja i ego okrestnostej. Sverdlovsk, 1963.
- Zav'jalov V.I., Terehova N.N. Problema izuchenija istochnikov syr'evyh resursov srednevekovyh remeslennyh centrov. *Perehodnye jepohi v arheologii: mater. Vseros. arheol. konf. s mezhdunar. uchastiem «HIH Ural. arheol. soveshhanie».* Syktyvkar, 2013.
- Kiparisova N.P. Novye dannye ob arheologicheskikh pamjatnikah Tagil'skogo kraja. *Uchen. zap. Perm. gos. un-ta.* 1956. T. 1, vyp. 3.
- Korchagin P.A. Kompleksnoe istoricheskoe izuchenie rannej istorii Permi Velikoj i Permi Vychegodskoj: granicy i gorodki. *Perehodnye jepohi v arheologii: mater. Vseros. arheol. konf. s mezhdunar. uchastiem «HIH Ural. arheol. soveshhanie».* Syktyvkar, 2013.
- Nizhnij Tagil. 1977. 4-e izd., pererab.
- Rossadovich A.I., Shhetkina N.A., Damaskina T.N. Issledovanie metallicheskih izdelij iz raskope na Srednem Urale. *Sov. arheologija.* 1968. № 4.
- Serikov Ju.B. K voprosu o funkcional'nom naznachenii tak nazyvaemyh kamennyh diskov. *Sov. arheologija.* 1977. № 2.
- Serikov Ju.B. Novye pamjatniki Gorbunovskogo torfjanika. *Sov. arheologija.* 1984. № 2.
- Serikov Ju.B. Skal'nye kul'tovye pamjatniki Shajtanskogo ozera. *Problemy arheologii: Ural i Zapadnaja Sibir' (k 70-letiju T.M. Potemkinov).* Kurgan, 2007.
- Serikov Ju.B. Ob ispol'zovanii ural'skih peshher v drevnosti (k voprosu o sootnoshenii proizvodstvenno-bytovyh i kul'tovyh kompleksov). *Jekologija drevnih i tradicionnyh obshhestv: dokl. konf. Tjumen', 2007a.* Vyp. 3.
- Serikov Ju.B. Sakral'noe v obydenom (po materialam kul'tovyh pamjatnikov srednego Zaural'ja. *Vremja i kul'tura v arheologo-jetnograficheskikh issledovanijah drevnih i sovremennyh obshhestv Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh territorij: problemy interpretacii i rekonstrukcii: mater. Zapadno-Sibirskoj arheol.-jetnogr. konf.* Tomsk, 2008.
- Serikov Ju.B. Shajtanskoe ozero – svjashhennoe ozero drevnosti. Nizhnij Tagil, 2013.
- Serikov Ju.B. Novoe svjatilishhe na Srednem Urale // Gribushinskie chtenija–2013. Kungurskij dialog: tez. dokl. i soobshh. IX Mezhdunar. soc.-kul't. foruma. Kungur, 2013a.
- Serikov Ju.B. Kul'ty i obrjady drevnego naselenija Srednego Urala po materialam peshhernyh svjatilishh r. Chusovoj. *Mirovozzrenie naselenija Juzhnoj Sibiri i Central'noj Azii v istoricheskoy retrospektive: sb. st.* Vyp. 6. Barnaul, 2013b.
- Serikov Ju.B., Serikova A.Ju. Mamont v mifah, jetnografii i arheologii Severnoj Evrazii. *Ros. arheologija.* 2004. № 2.
- Serikov Ju.B., Serikova L.V. Svjatilishhe na vershine gory Golyj Kamen' (Nizhnij Tagil). Nizhnij Tagil, 2005.
- Shamanaev A.V. Klady kamennogo syr'ja i izdelij: problemy interpretacii. *Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost': mater. nauch.-prakt. konf., posvjashh. 30-letiju ist.-arhiv. special'nosti v Ural. gos. un-ta.* Ekaterinburg, 2000. Ch. 1

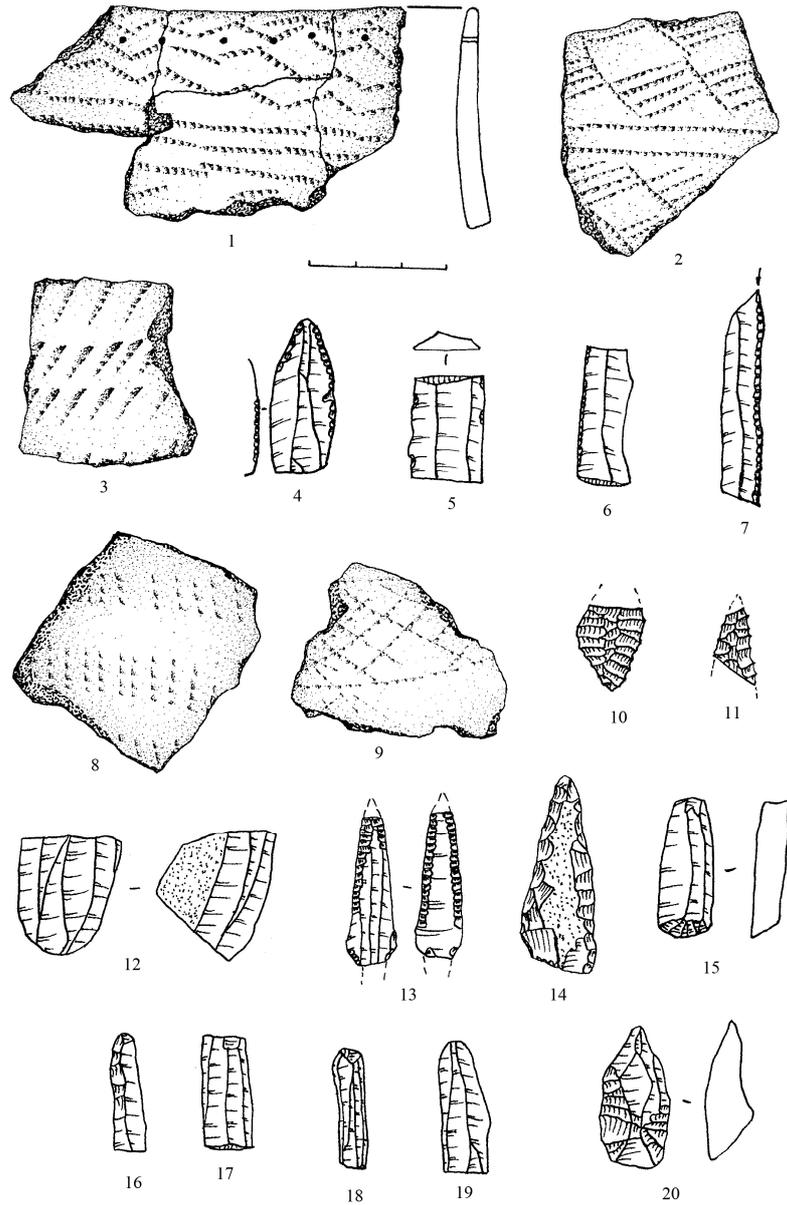

Рис. 1. Керамика (1–3, 8–9) и каменные изделия (4–7, 10–20) (1 – венчик сосуда; 2–3, 8–9 – стенки сосудов; 4, 20 – острия; 5–7, 16–19 – ножевидные пластины; 10–11, 13–14 – наконечники стрел; 12 – нуклеус; 15 – скребок; 1–7 – Купол; 8–11 – Балакино; 12–20 – Лайский мыс)

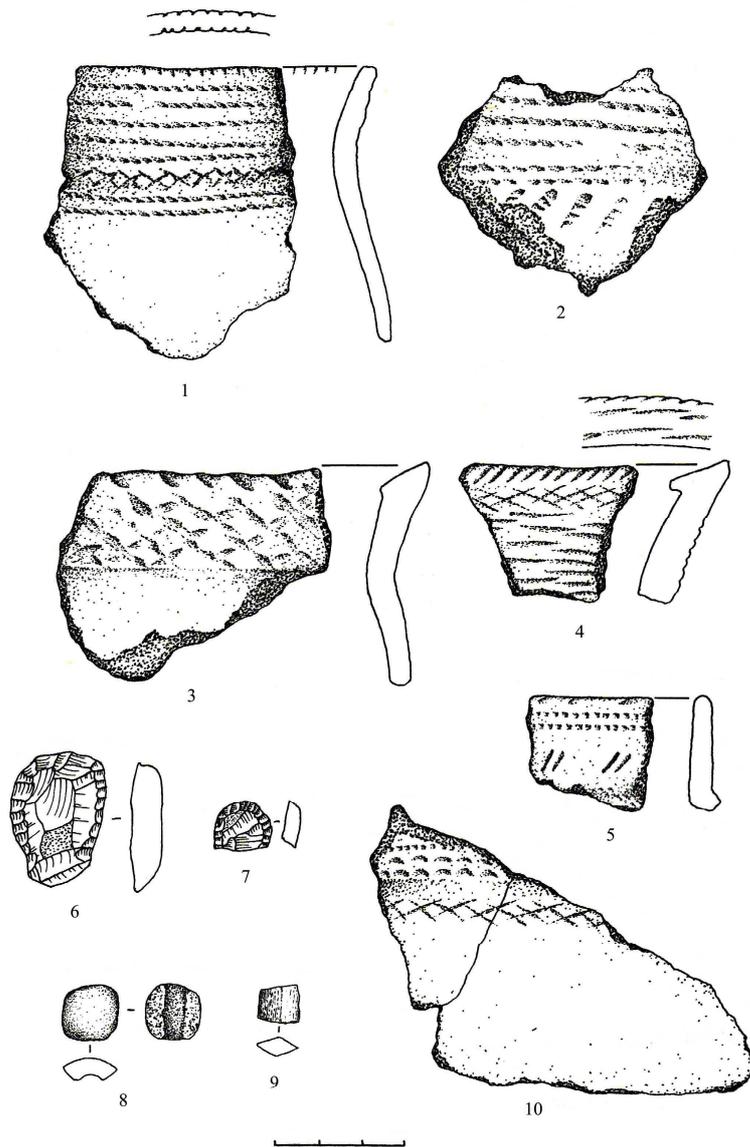

Рис. 2. Нижняя Синячиха (1–5, 10 – керамика; 6–7 – скребки; 8 – глиняная бусина; 9 – обломок костяного наконечника стрелы)

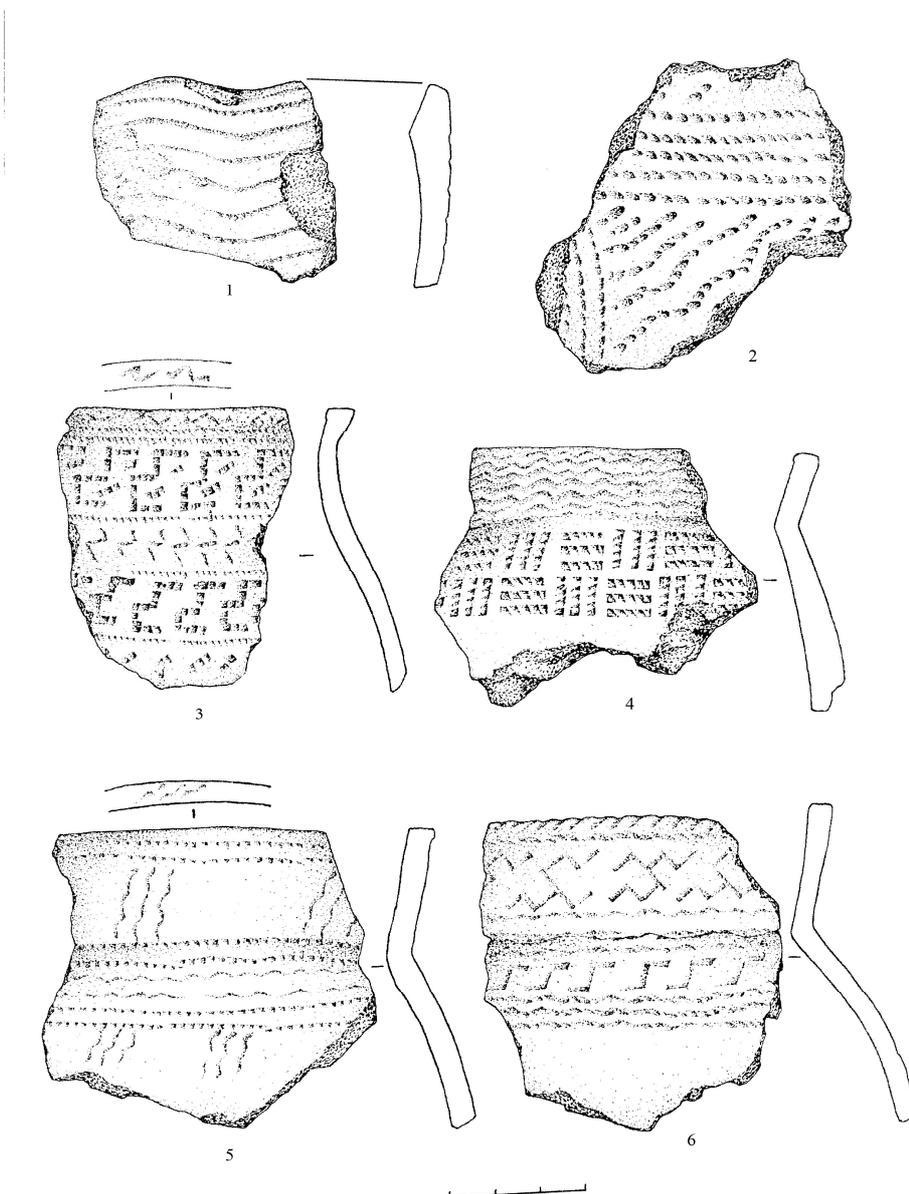

Рис. 3. Лайский мыс. Керамика (1–6)